

МАСТЕРСКАЯ

Заповедный остров Олега Лошакова

Культура — 1998 — 22 янв. — с. 10

Олега Николаевича Лошакова поймать было трудно. Как ему ни позвонишь — то он на заседании Московского союза художников, то пропадает в каком-либо департаменте или префектуре. В мастерской почти не бывает. Ему, одному из руководителей союза, приходится заниматься спасением Дома художника на Кузнецком мосту, 11, ныне единственного выставочного зала союза. В результате сложных приватизационных операций (или махинаций) его захватили коммерческие организации. Несколько лет тянется утомительное судебное разбирательство с переменным успехом — то выигрывает союз, то различные ООО...

Именно об этой болезненной проблеме прежде всего и зашел разговор, когда я попал в мастерскую Олега Лошакова, о проблеме, которая серьезно мешает ему спокойно работать — писать картины.

В своем творчестве Олег Николаевич — однолюб, явление редкое в наше время. Он, коренной москвич, выпускник в 1960 году Московского художественного института имени В.И.Сурикова, самозабвенно полюбил самый, наверное, отдаленный в стране остров Шикотан, что на Курилах, которому и отдал незаурядное дарование. Когда в конце шестидесятых — начале семидесятых годов на выставках появились его первые шикотанские картины, это стало не только открытием неведомого доселе края нашей Родины. Именно Шикотан триумфально ввел в отечественное изобразительное искусство новый, самобытный талант, обладающий индивидуальной темой, образным видением, стилистикой, манерой письма, колористическим строем. А главное — правдой жизни и отказом от устаревших шаблонов. Словом, Лошаков полноправно встал в ряд легендарных ныне «шестидесятников», которые «суровым своим стилем» определили дальнейшее развитие современной живописи.

Его работы приобретаются музеями. Только в Третьяковской галерее — более десяти холстов. Они часто репродуцировались в печати. Была издана небольшая монография в серии «Новые имена».

Как же Олег Лошаков попал на Шикотан? Это был случай, который обернулся творческой судьбой. Но вначале был Владивосток, куда его после окончания института послали преподавать в художественное училище. Обучал молодежь. Писал город и его окрестности. Через два года возвратился в Москву. Но неоднократно приезжал во Владивосток, к друзьям.

— Как-то летом 1965 года мы с Володей Рачевым решили посмотреть и другие места Дальнего Восто-

«Шикотанский пейзаж». 1970 г.

ка, который, по существу, не знали. Задумали совершить путешествие на Курилы. Позже я узнал, что в переводе с айнского Шикотан — «лучшее место». Такое совпадение считаю символичным...

Вначале шикотанскую группу вместе с Олегом Лошаковым составили ребята из Владивостока и Уссурийска — Владимир Рачев, Евгений Корж, Юрий Волков, Владимир Серов, Александр Усенко. Потом она пополнялась, но каждая кандидатура всесторонне обсуждалась. И не все «врастали» в коллектив.

Так, с 1966 года Олег Лошаков каждое лето отправлялся на Шикотан — всего он побывал там 23 раза. Простился Олег с Шикотаном в 1991 году не по своему желанию. Простился с горечью. Словно от сердца оторвал. Летать сюда стало невозможно из-за неимоверной дороговизны билетов. Однако до сих пор художник пишет только Шикотан: жанровые сцены, пейзажи, причалы, сейнеры, рыбацкие поселки, интерьеры рыбацких изб... А какие выразительные портреты рыбаков и особенно милых, непосредственных рыбацких! Они приехали на этот край земли «из России» не только за «длинным рублем», но «за туманом и за запахом тайги», с надеждой найти здесь личное счастье.

Все сюжеты, казалось бы, простые, обыденные. Но осмысленные и показанные не внешне экзотически, не заезжим, пусть умелым художником, они постигнуты изнутри самим участником этой жизни, одним из тех, кто изображен на портретах, человеком, любящим близких и ма людей. Манера его письма со-

временем менялась и меняется. В первоначальных «романтических» работах, когда Шикотан предстал перед художником таинственной, интригующей и сказочно-непознанной страной, преобладали светлые, трепетные, теплые краски. Позже колорит становится строже, напряженнее, насыщеннее. В картинах появляются широта, эпичность, углубленность образного решения.

Художник даже в пейзажах старается уловить резкую перемену «настроений» погоды, когда сплошной тяжелый и безотрадный туман, непрерывные дожди с холодным, пронизывающим ветром неожиданно сменяются солнечными часами — и все вокруг оживает, наполняется светом. Как в душах и сердцах человеческих. Собственно, главным в картинах и являются состояние и ощущения художника, его настроения и размышления. Особенно характерны последние работы. Они тревожны и драматичны. Именно такова картина «26 октября 1991 года» — прощальный день, проведенный Олегом на Шикотане, грустное «прости». Больше он туда не приезжал. Произведения не только отражают личные переживания художника о себе, своем будущем, дальнейшем творческом предназначении, они — о стремительно меняющейся жизни страны.

Лошаков почему-то называет свои работы в основном этюдами. По-моему, они, по современным понятиям, вполне законченные произведения. Олег Николаевич строг к своему творчеству. Если этюды получаются быстро, то над картиной, как он ее представляет, работает долго и основательно, стараясь оптимально выявить «образ». Часто возвращается к уже созданному, даже побывавшему на выставках. Поэтому, наверное, так и не решается устроить свою первую персональную выставку. А мог бы — и давно. Но он хочет представить новые, более значительные, по его мнению, картины, над которыми он сейчас трудится. Что же нового он хотел бы показать зрителям? Большое, 2 на 2,5 метра, полотно под условным, вероятно, названием «Борьба». Его тема — столкновение стихий природы и страстей человеческих. Картина получается, по-моему, сильной, темпераментной, великолепно живописно исполненной. Хотя, быть может, жанровая сценка на переднем плане несколько снижает ее смысловую размах и целостность.

Еще одно огромное (3 на 4 метра) полотно поразило меня неординарностью — оно выпадает из при-

вычного творчества художника. Правда, это лишь набросок будущей картины «Рейс 01 Москва—Владивосток», но он впечатляет. Его трудно объяснить, чего я и не берусь делать. Скажу лишь, что пока на картоне происходит какое-то резко контрастное сопоставление реального и фантастического, обыденного и космического, повседневного и божественного, эпически умиротворенного и трагического.

— Я много летал этим рейсом и давно задумал написать картину о перемещении огромных масс людей из одного края страны в другой. В этом есть что-то неустойчивое, тревожное, драматическое. Такое переселение народа — явление, по-моему, ненормальное, но, вероятно, вечное. В особенности болезненно обостренное нынешней ужасной проблемой беженцев.

— Не был ли Шикотан для вас «социальным заказом»? Ведь картины охотно приобретались Министерством культуры и Союзом художников СССР, музеями, к ним благосклонно относились официальные власти...

— Мы стремились на Шикотан, чтобы утолить жажду познания, жажду творчества. Если мы чего-то добились, сумели что-то сделать, то, наверное, потому, что ехали с желанием, с интересом, с любовью, жадно впитывали впечатления, старались трудиться и не искать «актуальной» темы, не думая о том, выполняем ли мы чей-то «социальный заказ» или нет. Здесь многое было освоено, задумано, опробовано, решено на натуре задолго до того, как претвориться на холстах. Шикотан стал для нас и школой, и лабораторией, и мастерской, где проходила, можно сказать, главная работа — мы сами росли, учились жизни, учились мастерству. Здесь родилось наше содружество, спаянное любовью к этому далекому уголку нашей Родины, верой в неиссякаемые нравственные силы человека... А вот сейчас действительно существует «социальный заказ». Он диктуется нашим диким рынком. Заказ на ширпотреб, на слюнявый салон, на модную безвкусицу. Заказ в угоду богатым и не очень-то разбирающимся в искусстве покупателям. В основном — иностранцам. Их, конечно, Шикотан не интересует.

Уходил я от Олега Николаевича Лошакова, переполненный отрадными впечатлениями от встречи с истинным искусством и удрученный его невосребованностью.

В мастерской побывал
Евграф КОНЧИН